

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

И.Ю. Крецер

В ПОИСКАХ РОДСТВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье приводятся результаты анализа современных западных исследований родства в социологии и социальной антропологии. Профиль этих исследований сформировался в середине XX в. в условиях включения в область изучения социальной антропологии западных обществ и дискуссий о возможности переноса методологии, разработанной для изучения традиционных обществ, на общества современные. В статье сделан акцент на исследованиях родства, выполненных на материале западных стран, чтобы показать, как в условиях исследования собственного общества происходит переопределение родства как категории, которая традиционно использовалась для анализа «других», т. е. культурно и географически удаленных, обществ. В первой части статьи рассмотрены основные направления, в рамках которых развиваются исследования родства, выполненные на материале западных обществ. В фокусе внимания автора — изучение родства в контексте новых репродуктивных технологий и однополых отношений, исследование родства на материале конкретных групп, чаще всего выделенных по территориальному или этническому признаку, и исследования, в которых родственные отношения не являются основным предметом и анализируются в контексте других социальных отношений. Во второй части статьи проанализированы факторы, которые оказывают влияние на формирование этих направлений. Во-первых, это сложившаяся в социальных науках традиция использовать категорию «родство» для анализа «других» обществ, отличных от общества исследователя. Использование этого концепта для исследования своего общества приводит к поиску «другого», отличий и разнообразия среди родственных практик в своем обществе. Во-вторых, это перенос логики классических антропологических описаний родства в традиционных обществах, где изучаемая группа рассматривалась как небольшое относительно замкнутое сообщество, на объект исследова-

Крецер Ирина Юрьевна — ассистент кафедры культурной антропологии и этнической социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (kretser@list.ru)

Kretser Irina — Teaching Assistant, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University (kretser@list.ru)

Крецер И.Ю. В поисках родства: к постановке проблемы...

ния, который не удален географически, а помещен в общество, откуда исследователь родом. В-третьих, это отсутствие преемственности между исследованиями родства, выполненных до 1970–1980-х гг., и после вследствие изменений в методологии и появления новых оснований для изучения родства.

Ключевые слова: *социальная антропология, антропология родства, родство, западные исследования родства.*

Родственные отношения очень гармонично вплетены в пространство, время, социальные контексты и ситуации, в которых мы существуем, и поэтому постоянно ускользают от исследовательского взгляда, особенно когда мы приступаем к изучению собственного общества. Поле современных исследований родственных отношений в чем-то напоминает карту новых земель, многое в которых еще предстоит открыть. Из известного — попытки сопрягать тематику родства с другими, более социально востребованными темами, такими как гендер, миграция, этнические общности; новый виток дискуссии о социальной и биологической природе родства, вызванный изучением новых репродуктивных технологий; актуализация интереса к переопределению понятий «родство», «брак», «семья», «родительство» в контексте более широких дискуссий о многообразии семейных форм. Менее изученными оказываются практики поддержания родственных отношений, специфика форм родства в разных условиях и контекстах, разнообразие форм родства. Выбор исследователями тем и направлений показывает, что на первый план — явно или неявно — вновь выходит вопрос о том, что такое родство. Это наиболее ярко проявляется в том, что становится предметом исследований, которые маркируются как посвященные изучению родства. Таким образом, формируется не только профиль исследовательской области, но и границы самого понятия «родство».

В рамках статьи мы рассмотрим сложившиеся направления исследований родства в социологии и социальной антропологии с учетом двух важных замечаний. Во-первых, мы обратимся к исследованиям, выполненным на материале западных обществ, что, на наш взгляд, позволит наиболее ярко продемонстрировать и обсудить трудности, которые возникают с категорией «родство» при переносе ее с изучения незападных обществ на западные общества*.

* В целом сами категории «западные / незападные общества» и «западные / незападные исследования» являются неоднозначными и порождают вопросы о границах тех предметов, которые они описывают. Однако в рамках данной статьи связка «общества — исследования» используется нами, чтобы продемонстрировать, какие изменения претерпевает методология в условиях географической и культурной близости исследователя и объекта исследования, что и вызывает к жизни отчасти упрощенную, но имеющую право на существование модель, где *западные* общества рассматриваются как объект изучения *западных* исследователей. Мы исходим из того, что категория «другого», возникающая при описании общества, запускает механизмы исследования, отличные от тех, которые возникают при изучении общества, понимаемого как «свое». Это может проявляться, например, в том, какие фор-

Во-вторых, в фокусе нашего анализа — исследования, уделяющие внимание повседневному и практическому бытованию родства, т. е. «незначительным, на первый взгляд, тривиальным или считающимся само собой разумеющимися действиям» (Carsten 2000: 18), которые и создают родство. Такой подход к пониманию и исследованию родственных отношений во многом обусловлен своеобразным поворотом от таких классических тем, как исследование структуры, социальной организации, системы терминов родства, к изучению отдельных практик, а через них и самого процесса создания и поддержания родственных отношений. Учитывая вышесказанное, мы проанализируем, в чем состоит отличие современных западных исследований родства от более ранних работ по этой же проблематике, проследим, как традиция использования категории «родство» для описания других незападных обществ, сложившаяся в социальных науках, влияет на область исследований, ведущихся в тех обществах, откуда родом исследователь, и на основе этого обозначим специфику современных западных исследований родства.

Западные исследования незападных обществ

Для социальных наук конца XIX — первой половины XX в. было характерно четкое разделение по объекту исследования. Так, социологов интересовало изучение «своего» общества, в то время как социальные антропологи были ориентированы на исследование неевропейских обществ, которые в противовес «своему» понимались как «другие». Многие темы оказались разделены в концептуальном плане в зависимости от того, на каком объекте они изучались. Это наглядно видно на примере исследования родственных отношений. Социальные антропологи изучали неевропейские общества как «другие», отличные от себя, и для описания использовали концепт «родство», в то время как для описания отношений, лежащих в тех же родственных сферах, но в «своем» обществе, социологи использовали концепт «семья» (Firth 1956: 11–13; Edwards 2000: 25–26; Franklin, McKinnon 2001: 8; Segalen 2001: 246, 253; Stone 2002: 1; Bauer 2010: 45–47). Это, естественно, не значит, что оба концепта не могли использоваться для описания и европейских, и неевропейских обществ, однако представленное выше разделение демонстрирует основную логику использования терминов. Регулярное воспроизведение в исследованиях этой границы между «семьей» и «родством» привело к закреплению за термином «родство» определенного смысла, который предполагал, что родство — это то, что есть у «других», но чего нет у нас самих — в западных обществах, к которым принадлежали исследователи (Carsten 2004: 15). Таким образом, сконструированная концептуальная рамка предполагала изучение родства только как родства «других» (Куропятник 2012: 233), а понятие прочно ассоциировалось с «другими» неевропейскими и географически удаленными обществами и культурами.

мы родственных отношений помещены в центр исследования или насколько изучены родственные отношения, выходящие за границы нуклеарной семьи. В целом «других» мы изучаем по-другому, нежели себя, а «то, что антропологи находят интересным в других местах, может быть уже не таким интересным... у себя дома» (Terrell, Modell 1994: 157).

Западные исследования родства в контексте своего общества

С середины XX в. начинается постепенное расширение объекта исследования социальной антропологии через включение западных обществ в сферу научного интереса. Эти изменения объекта не могли не затронуть методологию. С одной стороны, к географически удаленным обществам как объектам исследования добавляются общества, откуда сам исследователь родом. С другой стороны, сохраняется разделение между концептами «традиционное общество» и «современное общество». Таким образом, исследования начинают разделяться, с одной стороны, по географическому принципу, а с другой стороны, по методологическому. Следовательно, серьезным вопросом становится возможность использования концептов, разработанных для исследования тех обществ, которые описывались как традиционные и / или были географически удалены для изучения обществ, откуда родом исследователь и которые описываются как современные.

Каким образом это отразилось на изучении родственных отношений? Майкл Бэнтон в статье, вышедшей в 1960 гг., предполагал, что «только в случае исследования родства и некоторых других незначительных областей, таких как отношения с подшучиванием, представляется возможным применение концепций, разработанных для изучения примитивных обществ, для исследования индустриальных обществ или городских районов Африки» без существенного изменения этих концепций (Banton 1964: 107). Однако интересно, что дальнейшее развитие исследований родства скорее опровергло, нежели подтвердило это утверждение.

Расширение объекта исследования по сути обозначило новый период в изучении родственных отношений и стало основой для формирования одного из сегментов поля современных исследований родства. Говоря «новый период», мы подразумеваем не столько временное деление, сколько содержательное: в фокусе исследования социальных антропологов оказываются родственные отношения в обществе, откуда родом исследователь, и которое, в отличие от объекта классической антропологии, — «традиционного общества» — ни пространственно, ни концептуально не осознавалось как «другое». Исследования родства, выполненные на материале западных стран, дают возможность показать, как в условиях исследования собственного общества происходит переопределение родства как категории, которая традиционно использовалась для анализа «других».

Западные исследования родства, выполненные на материале тех обществ, откуда исследователь родом, можно условно разделить на несколько групп. В этом разделе мы перечислим и кратко опишем существующие направления исследований, а в следующих разделах остановимся на каждом из направлений более подробно.

Одно из наиболее активно развивающихся в социальных науках направлений исследования родства в рамках своего общества — это изучение родства в контексте новых репродуктивных технологий и однополюх отношений^{*}. Мы

^{*} Преобладание этих тем четко видно в современных западных исследованиях родства в социальной антропологии и социологии. Исследования родства и новых

предлагаем рассматривать эти исследования вместе, в рамках одного направления, т. к. в их основе лежит одна и та же идея — реинтерпретация природы родственных отношений, т. е. поиск ответа на вопрос, кто и почему является для нас родственником в условиях нового понимания категорий «биологического» и «социального». Работа Кэт Вестон (Weston 1997), а также сборник статей под редакцией Сары Франклин и Сьюзан Маккиннон (*Relative values... 2001*) хорошо иллюстрируют основные вопросы, которые волнуют исследователей, работающих в данном направлении.

Второе направление — это исследование родства на материале конкретной группы, чаще всего выделенной по территориальному или этническому признаку. В работах такого рода объектом для изучения родства обычно является деревня или отдельно взятая этническая группа, проживающая в городской среде в инокультурном окружении (см., напр.: Garigue, Firth 1956; Garigue 1956; Johnson 1982; Bauer 2010; Shaw 2014). Такие группы могут выступать, с одной стороны, как локальные группы-сообщества, проживающие компактно, имеющие тесные связи и высокую степень групповой самоидентификации, а с другой стороны, как номинальные группы-категории, выделенные по этническому, религиозному, расовому или классовому принципу. Ярким примером исследования родственных отношений на материале английской деревни является ставшая классической работа Мэрлин Стразерн (Strathern 1981).

Еще одно направление составляют исследования, в которых родственные отношения анализируются не как основной предмет, а скорее как фактор, влияющий на другие социальные отношения — этнические, гендерные, профессиональные (см., напр.: Hareven 1982; *Gender and Kinship... 1987*; Carsten 2007; Groes-Green 2014). В этом смысле показательно замечание Майкла Пелеца о том, что исследования родства во второй половине XX в. развивались не столько как самостоятельная дискретная область — антропология родства, сколько как одна из тем «в контексте социальной истории или юридической, политической и феминистской антропологии» (Peletz 1995: 345). Такой комплексный подход к изучению различных социальных феноменов наглядно иллюстрирует работа Джанет Карстен, в которой родственные отношения анализируются в контексте таких категорий, как дом, идентичность, гендер, телесность и т. д. (Carsten 2004).

Обозначенные выше направления в изучении родства позволяют говорить, с одной стороны, о разнообразии в методологии и исследовательских подходах,

репродуктивных технологий хорошо представлены в монографиях и сборниках статей последних лет (см., напр.: Strathern 1992; *Reproducing Reproduction... 1998*; *Relative values... 2001*; *Kinship and family... 2007*: 329–394; *European Kinship... 2009*), а большой интерес к тематике родства в контексте однополюх отношений виден на примере публикаций в *Journal of Marriage and Family*, *Journal of Family Theory & Review* и *Family Relations: Interdisciplinary Journal of Applied Family Studies* (см., напр.: Allen, Demo 1995; Patterson 2000; Berkowitz 2009; Biblarz, Savci 2010). Интересно, что Аллен и Демо в 1995 г. анализировали статьи из этих журналов и показали, что из более чем 2500 статей, вышедших в период с 1980 по 1993 г., только 12 были посвящены исследованию однополюх отношений (Allen, Demo 1995: 115–119). Очевидно, что сейчас ситуация изменилась.

а с другой стороны, об определенной фрагментарности исследовательского поля. Обратимся к каждому из направлений более подробно и попытаемся ответить на вопрос, почему одни темы оказываются более социально востребованы, чем другие, и чем обусловлен тот профиль исследований родства, который сложился на данный момент.

Внутренние «другие»

Первое направление в современных исследованиях родства, выполненных на материале западных обществ, — новые репродуктивные технологии и однополюе отношения — вырастает из взаимосвязи между понятиями «родство» и «другой». Перенос концепта «родство» на исследования собственного общества повлек за собой и перенос тех значений и интерпретаций родства, которые сложились в социальной антропологии к середине XX в. Восприятие родства как атрибута «других» и использование этого концепта для исследования своего общества привело к соединению категорий «своего» и «другого» в рамках понятия родства. Следствием этого становится формирование определенной логики использования термина, которая заключается в поиске «другого», отличного, разнообразного внутри своего общества. В целом такой ракурс рассмотрения родственных отношений очень логично вписывается в более широкую концептуальную рамку рассуждений о культурном многообразии как «внутренней проблеме нашего общества» (Вьевьёрка 2004: 179). Таким образом, разнообразие культурных форм становится естественной характеристикой каждого общества, а различия — тем, что можно увидеть внутри своего общества, а не только при сравнении с другими, географически и культурно удаленными обществами (Куропятник 2010: 37–38). Джанет Карстен очень точно показывает это на примере изменения в формулировке: от «они *там* все делают по-другому», характерной для классических исследований неевропейских обществ, до «они *здесь* делают все по-другому», отсылающей к многообразию внутри собственного общества (Carsten 2004: 25). Эта логика поиска «другого в своем» при перенесении ее на исследования родства выражается в особом интересе именно к тем новым формам родства, которые могут выступать примером внутреннего разнообразия. Такими формами в современном обществе становятся однополюе отношения и отношения, возникающие в результате использования новых репродуктивных технологий. В основе исследований по этим темам лежит переопределение «биологического» и «социального» — основополагающих категорий в антропологии родства. Природа родственных отношений всегда рассматривалась как двойственная, включающая биологическую и социальную часть, где первая понималась как данная, естественная и неоспоримая, вторая — как создаваемая. Дэвид Шнайдер, анализируя американскую систему родства, отмечал, что существуют отношения, которые нельзя прекратить или изменить по желанию: мы можем говорить о бывших друзьях или супругах, но отец или мать не могут стать «бывшими» ни при каких обстоятельствах (Schneider 1980: 24, 46). Таким образом, для американцев и европейцев биологическое родство являлось базовым по отношению к другим формам родства. Новые репродуктивные технологии позволяют по-новому посмотреть на эту тему, показывая, что биологическое также может быть конструируемым,

а, следовательно, оспариваемым и в нашем собственном обществе. Например, в случае донорства яйцеклетки, когда донором является одна женщина, а вынашивает ребенка другая, понятие «биологическая мать» перестает быть очевидным. Исследования в сфере однополых отношений запускают схожие механизмы переосмысления таких основополагающих понятий, как «мать», «отец», «брак», «семья», «родительство». В целом исследования в этих областях возвращают к жизни классические вопросы о том, что такое родство и на чем оно основано.

Аналогичные вопросы о переопределении границ между биологическими и социальными основаниями родства ставит тема адопции*. Отношения адопции, достаточно хорошо описанные на материале незападных обществ, до недавнего времени были сравнительно мало представлены в исследованиях, выполненных на материале западных обществ**. На наш взгляд, причина этого кроется в том, что адопция выступает как символический противовес кровному родству и занимает двойственное положение: являясь легитимной, но при этом не основанной на биологии, она бросает вызов доминированию биологического над социальным — одному из основных принципов, лежащих в основе западных представлений о родстве. В последнее время наблюдается всплеск интереса к исследованию транснациональной адопции в западных странах (см., напр.: *Cultures of Transnational Adoption 2005; Dorow 2006; Howell, Marre 2006; Kim 2009; 2010; Yngvesson 2010*), в результате чего предмет исследования иногда смещается с проблемы формирования родственных связей между биологически неродственными людьми на проблемы расового, этнического и культурного взаимодействия.

Таким образом, в фокусе внимания исследователей, работающих в таких направлениях, как новые репродуктивные технологии, однополые отношения, транснациональная адопция оказываются лишь отдельные случаи проявления многообразия родственных форм, а именно — новые и в определенном смысле слова сложные формы родства, в то время как иные, основанные на более привычных механизмах, таких как общность по крови или браку, остаются мало исследованными. Кроме того, обсуждение тем, связанных с новыми репродуктивными технологиями и однополыми отношениями, является частью совре-

* Интересно, что достаточно часто отношения адопции, как и «все небιологические отношения родства, описываются как фиктивное, псевдо, ритуальное или искусственное родство, не спрашивая “фиктивное для кого?”» (Howell 2009: 155). Аналогичную проблему обсуждает Бернхард Юссен, показывая, что отношения крестничества, которые достаточно хорошо изучены медиевистами, также оказываются за границами понятия родства, которое, в свою очередь, классически представлено кровными и брачными отношениями (Юссен 2000: 89–94). Категоризация такого рода еще раз наглядно подтверждает имплицитно существующие в западном обществе представления о том, что «настоящее» родство имеет биологическое основание.

** Обзор наиболее значимых работ по данной проблематике в социальных науках представлен в ряде публикаций (см.: Terrell, Modell 1994; Howell 2009; Ben-Zion 2014: 4–8).

менного публичного дискурса. Таким образом, акцент делается на те формы родственных отношений, которые являются примером внутреннего многообразия, выходят за границы обыденных и рутинизированных, привлекают к себе внимание и в большей степени доступны для изучения.

Исследование сообществ

Вторая перспектива в современных исследованиях родства, выполненных на материале западных обществ, вырастает из классической для антропологии темы исследования локальных сообществ. В рамках социальной антропологии одним из вариантов изучения современных обществ с учетом их сложности является исследование сообществ, эти общества составляющие (Эриксен 2014: 23). В этой же логике реализуется одно из направлений современных исследований родственных отношений: объектом становится сообщество, характеристики которого рассматриваются как оказывающие влияние на тип родственных отношений (Vouquet 1993: 12; Smith 2008: 184; Bauer 2010: 45). Что это могут быть за сообщества, и каковы критерии их выделения?

Важным с точки зрения исследования родства становится различие города и деревни: родственные отношения часто исследуются на примере деревенских или сельских сообществ и намного реже — на примере сообществ в городах (Franklin, McKinnon 2001: 8). Это может являться следствием уже упомянутой связи между концептами «родство» и «другой»: деревенский образ жизни и формы отношений в деревне описываются с помощью категории родства именно потому, что деревня осознается как «другое» социальное пространство по сравнению с городом. Однако деревенское сообщество отличается от города, если мы говорим о механизмах формирования и поддержания родственных отношений (Adams 1968: 3; Bauer 2010: 46; Leutloff-Grandits 2012), следовательно, выводы, основанные на исследовании родственных отношений в сельских и деревенских сообществах, не всегда релевантны для родственных отношений в городском пространстве.

Гетерогенность городского пространства становится основой для изучения родственных отношений на примере различных групп внутри города. Городские исследования родства за редким исключением* выполнены в логике исследования сообществ, где за единицу анализа чаще всего берется этническая группа, причем такая, к которой не принадлежит сам исследователь. Такие исследования тяготеют к классическим антропологическим описаниям родства в традиционных обществах, где изучаемая группа рассматривалась как небольшое относительно замкнутое сообщество, характеристики которого создавали специфическую для данной группы систему родства. В современных исследованиях собственного общества, по сути, воспроизводится та же самая логика, за исключением того, что объект исследования оказывается не удален географи-

* Например, Элизабет Ботт (Bott 1964) изучала родственные отношения на материале 20 английских семей, которые «проживали в разных районах Лондона и не формировали организованную группу» (Bott 1964: 11). Это позволило ей рассматривать каждую семью как отдельный случай и выявить факторы, влияющие на структуру супружеских ролей и отношения с родственниками в каждом из таких случаев.

чески, а помещен в общество, откуда исследователь родом. Однако с методологической точки зрения эти исследования продолжают логику исследования «другого» в «своем». Во-первых, при выборе в качестве объекта этнической группы сохраняется и подчеркивается дистанция между исследователем и объектом исследования. С этой точки зрения особый интерес представляют те сообщества, которые оказываются маркированными как мигрантские: являясь «другими» в рамках «своего» общества, они в полной мере претендуют на то, чтобы быть описанными с помощью категории «родства» (см., напр.: Kinship matters 2006: 239–291). Во-вторых, выбор в качестве объекта этнической группы в определенной степени вызван тем, что Роджерс Брубейкер назвал группизмом — «овеществлением таких групп..., как будто они внутренне однородные, внешне ограниченные группы и даже единые коллективные акторы с общими целями» (Брубейкер 2012: 23–24). В исследованиях родства группизм проявляется в том, что паттерны родства анализируются как присущие группе в целом, а индивиду прежде всего потому, что он является членом этнической группы. Однако в рамках гетерогенного городского пространства сложно говорить о том, что принадлежность к этнической группе может задавать неоспоримые, общие для всех членов и исчерпывающие характеристики родственных отношений. Этническая идентичность, безусловно, оказывает влияние на родственные отношения, однако степень этого влияния — это то, что должно обсуждаться и что сложно обсуждать, если за исходную точку мы берем утверждение о том, что этническая идентичность одинаково осознается и проявляется среди всех участков группы. Аналогичные рассуждения можно применить и к исследованиям родства, где раса и класс рассматриваются в качестве факторов, влияющих на родственные отношения (Adams 1968: 4; 1970: 585–589; Lee 1980; Johnson 2000).

В целом логика выбора определенной группы — этнической, религиозной или территориальной — в качестве объекта для исследования родственных отношений представляется понятной. Однако выводы формата «для этнической группы X характерно наличие широкого круга родственников», где этническая группа X — это не та группа, с которой идентифицирует себя исследователь, формируют ложное представление о том, что большая и активно действующая сеть родственных отношений характерна только для отдельных этнических (религиозных, территориальных и т. д.) групп, в которые сам исследователь обычно не входит.

«Новое» родство

Третья перспектива в современных исследованиях родства вырастает из «разрыва» в методологии и разных истоков изучения родства до 1970–1980 гг. и после.

В 1950–1960-х гг. начинают появляться исследования родственных отношений в городском европейском контексте (см., напр.: Firth 1956; Bott 1964 [1957]; Adams 1968; Young, Willmott 1992 [1957]). Берт Адамс отмечает, что это стало реакцией на работы Толкотта Парсонса и Ральфа Линтона, в которых рассматривались вопросы нуклеаризации семьи, а, следовательно, уменьшения значения расширенной семьи и родственников для современного городского

образа жизни (Adams 1970: 575). С методологической точки зрения, эти исследования знаменовали собой переход от изучения родства «других» к исследованию родства в своем обществе. Уже в 2000-х гг., характеризуя эти работы, Питер Швайцер отметит, что благодаря им исследования родства «дома» (anthropology at home) стали отдельным и самостоятельным жанром социальных исследований (Schweitzer 2000: 11). Однако пик таких работ, пришедшийся на середину 1970-х гг., не получил дальнейшего развития в полной мере. Об этом говорит хотя бы то, что в современных работах по родству в европейском городском пространстве постулируется недостаточное количество исследований по этой теме, а среди цитируемых работ очень часто встречаются исследования, проведенные в 1950–1960-х гг.

Для работ по истории исследования родства в антропологии характерно утверждение о кризисе и своеобразном табуировании этой темы в 1970–1980-х гг., в первую очередь в результате исследований, проведенных Дэвидом Шнайдером, и дискуссии, последовавшей за этим (Schneider 1980 [1968]; Schneider 1984)*. Критика Шнайдера была обращена на методологию исследования родства в незападных обществах: европоцентристский характер концептуальных схем, которые применяли антропологи, приводил, по мнению Шнайдера, к тому, что категория «родства» включала те формы социальных отношений, которые считались родственными в западных обществах (родство по крови, по браку и некоторые другие формы социального родства, такие, например, как адопция), и не включала те, которые родством не считались. На основании этого Шнайдер поставил вопрос о релевантности исследований родства в том состоянии, в котором они есть, что привело на некоторое время к снижению интереса к исследованию родства в рамках социальной антропологии**. Исследователи обычно отмечают, что в 1990-х гг. интерес к теме родства возрождается вновь благодаря исследованиям в ряде смежных с родством областей, таких как гендер, однополые отношения и новые репродуктивные технологии. Таким образом, постулируется, что исследования родства активно развивались до 1970-х гг., потом оказались забыты на некоторое время и возродились в 1990-е гг. в новом качестве. Интересно, что беглый просмотр западных публикаций по тематике родства в принципе не дает почувствовать тот кризис, о котором говорилось выше: в период с 1970-х по 1990-е гг. в журналах стабильно появлялись публикации, связанные с исследованием родства. Однако внимательное изучение этих и последующих публикаций позволяет увидеть,

* Сюжеты, связанные с падением и возрождением интереса к антропологии родства во второй половине XX в., а также с ключевой ролью в этих процессах фигуры Дэвида Шнайдера, хорошо прописаны во вводных главах большинства монографий и сборников, посвященных современным исследованиям родства (см., напр.: Carsten 2000: 1–14; Franklin, McKinnon 2001: 2–3; Stone 2002: 1–10; Feinberg 2002).

** Рамки и структура статьи не позволяют детально остановиться на вкладе Д. Шнайдера в развитие исследований родства, однако обсуждение основных положений его концепции подробно представлено в одной из предыдущих статей автора (см.: Крецер 2014).

как менялись темы, акценты и ракурсы. Изучение родства начиная с 1980–1990-х гг. не является продолжением предыдущих исследований и поэтому очень оправданно может называться «новым родством», что подразумевает не столько новые формы отношений, сколько новую логику рассуждения о них.

В 1950–1970-х гг., несмотря на переориентацию на изучение родственных отношений в своем обществе, концептуальная схема исследований во многом оставалась старой, разработанной на основании изучения неевропейских обществ. Таким образом, изменялся объект, но не логика и не предмет исследования. Об этом достаточно наглядно свидетельствуют факты встречающихся сравнений родства в европейских и неевропейских обществах (Firth 1956: 11–21). Следовательно, представлялось возможным выстроить исследование «своего» общества как новый этап и продолжение предыдущих исследований родства, имевших место в неевропейских обществах, и обозначить преемственность этих исследований.

Новые исследования родства, которые появляются в 1990-е гг., как и работы 1950–1970-х гг., ориентированы на изучение своего общества, однако существенно отличаются от этих исследований и по сути не вырастают из них. Развиваясь в рамках исследований гендера, однополых отношений, социальных практик, идентичности и принадлежности, дома, новых репродуктивных технологий, изучение родственных отношений изменяется как по форме, так и по содержанию. С одной стороны, практически исчезает формат больших и цельных описаний: родство всегда выступает частью более широкого исследуемого контекста или отдельным случаем, иллюстрирующим определенную форму отношений. С другой стороны, как отмечалось в первом параграфе, в качестве предмета исследования традиционные формы родства сильно уступают новым формам родства. Именно в рамках такой перспективы возникает ситуация, когда, например, механизмы и практики родства, возникающего в результате искусственного оплодотворения, являются более описанными, чем отношения между братьями и сестрами или внуками и бабушками / дедушками. Таким образом, между исследованиями родства в 1950–1970-х и после 1980-х, с одной стороны, наблюдается схожесть, прежде всего в том, что объектом исследования становится собственное общество, однако, с другой стороны, эти исследования демонстрируют очень разные подходы к тематике и методологии исследования. По сути, те направления в исследовании родства, которые начали развиваться в 1950–1970-х гг., так и не получили продолжения, а в 1990-е гг. они были заменены на новые, пришедшие из сфер исследования других форм социальных отношений.

В поисках родства

Изучение родства в собственном обществе становится полноправной частью современных социальных исследований. Родство постепенно перестает рассматриваться как атрибут незападных обществ, что приводит к переосмыслению как самого понятия, так и области исследования родственных отношений. Заголовок статьи — «В поисках родства» — неслучаен. Сформулированный отчасти в провокативной форме, он отсылает к попыткам через анализ существующих современных исследований родства понять, что мы понимаем

под родством. Суммируя, можно выделить несколько основных моментов, характеризующих современные исследования родства в социологии и социальной антропологии, выполненные на материале западных обществ.

Во-первых, следование логики поиска «другого» в «своем» приводит к повышенному вниманию к новым и специфическим формам родства, в то время как рутинные, но при этом неизученные формы родственных отношений в собственном обществе остаются вне фокуса исследования. Таким образом, родственные отношения в западных обществах оказываются изучены очень фрагментарно, а регулярное воспроизведение этой исследовательской логики закрепляет избирательный характер исследований родства.

Во-вторых, исследования родственных отношений, выполненные на материале отдельных сообществ, невольно формируют представление о том, что номинальная принадлежность человека к определенной группе — этнической, религиозной, расовой — создает специфические паттерны родственных отношений, характерные для всех членов этой группы в равной степени. Кроме того, складывается неверное представление о наличии связи между большой сетью родственных отношений и, например, принадлежностью человека к этнической группе, заключающееся в том, что сложные и разнообразные формы родственных отношений характерны для этнических групп, которые осознаются как «другие», и нехарактерны для тех, которые осознаются как «свои».

В-третьих, исследования родства не представляют собой отдельную, самостоятельную и четко очерченную область, т. к. истоки современных западных исследований родства следует искать не в предыдущих работах в этой же области, а в исследованиях других социальных отношений. С одной стороны, можно говорить о том, что логика ухода от рассмотрения исследовательских областей как сегментированных и не связанных друг с другом характерна для современных социальных исследований в принципе. Однако, с другой стороны, такой подход при применении его к области родственных отношений уводит исследователей непосредственно от изучения родства, концентрируясь на отдельных темах: родство, которое не в полной мере успело оформиться как категория для исследования собственного общества, все время оказывается помещено в более широкий контекст исследований отношений вообще и теряется в нем.

Говоря о следствиях, вытекающих из западных исследований родства в незападных обществах, мы отмечали, что родство прочно ассоциировалось с «другими» географически удаленными обществами и культурами. Если продолжать эту логику и посмотреть на представления о родстве при изучении западных обществ, то становится понятно, что шаг от исследования «других» с помощью категории родства до изучения себя по сути так и не был сделан. Родство как исследовательская категория технически было перенесено на изучение собственного общества, однако лишь частично используется для анализа современных форм родственных отношений.

Литература

Вьевёрка М. Коллективная разность или смешение, Прожогин С.В. (ред.), *Полиэтнические общества: проблемы культурных различий*. М.: Институт востоковедения РАН, 2004: 179–192.

Брубейкер Р. *Этничность без групп*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Крецер И.Ю. Что произошло с «родством»? Современные перспективы изучения родства в социологии и социальной антропологии, *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. Сер. 12. Вып. 2. СПб., 2014: 139–145.

Куропятник М.С. Антропологическая перспектива изучения современности, *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. Сер. 12. Вып. 2. СПб., 2012. С. 232–237.

Куропятник М.С. Культурные различия в контексте социального взаимодействия: социально-антропологическая перспектива, Р.К. Тангалычева, Н.А. Головин, М.С. Куропятник (отв. ред.), *Межкультурная коммуникация и проблемы аккультурации в крупном городе*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010: 37–53.

Эриксен Т.Х. *Что такое антропология?* М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

Юссен Б. Родство искусственное и естественное? Биологизмы в культурно-исторических концепциях родства, М.А. Бойцова (отв. ред.), *Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы..* М.: ИВИ РАН, 2000. С. 84–104

Adams B. Isolation, function and beyond: American kinship in the 1960's, *Journal of Marriage and the Family*, 1970, 32: 575–597.

Adams B. *Kinship in urban setting*. Chicago: Markham Publishing Company. 1968.

Allen K., Demo D.H. The families of lesbians and gay men: A new frontier of family research, *Journal of Marriage and the Family*, 1995, 57(1): 111–127.

Banton M. Anthropological Perspectives in Sociology, *The British Journal of Sociology*, 1964, 15(2): 95–112

Bauer E. *Creolisation of London Kinship: Mixed African-Caribbean and White British Extended Families, 1950–2003*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010.

Ben-Zion S. *Constructing Transnational and Transracial Identity: Adoption and Belonging in Sweden, Norway, and Denmark*. London: Palgrave Macmillan. 2014.

Berkowitz D. Theorizing Lesbian and Gay Parenting: Past, Present, and Future Scholarship, *Journal of Family Theory & Review*, 2009, 1(3): 117–132.

Biblarz T.J., Savci E. Lesbian, Gay, Bisexual, and Transgender Families, *Journal of Marriage and Family*, 2010, 72(3): 480–497.

Bott E. *Family and Social Network: Roles, Norms and External Relationships in Ordinary Urban Families*. London: Tavistock Publications, 1964.

Bouquet M. *Reclaiming English Kinship: Portuguese Refractions of British Kinship Theory*. Manchester: Manchester University Press, 1993.

Carsten J. *After kinship*. New York: Cambridge University Press, 2004.

Carsten J. Constitutive Knowledge: Tracing Trajectories of Information in New Contexts of Relatedness, *Anthropological Quarterly*, 2007, 80(2), Kinship and Globalization: 403–426.

Carsten J. Introduction: cultures of relatedness, in: *Cultures of Relatedness: new approaches to the study of kinship*, ed. by J. Carsten. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. pp. 1–36.

Cultures of Transnational Adoption, ed. by T. Volkman. Durham: Duke University Press, 2005.

Dorow S. *Transnational Adoption: A Cultural Economy of Race, Gender, and Kinship*. New York and London: New York University Press, 2006.

Edwards J. *Born and bred: idioms of kinship and new reproductive technologies in England*. Oxford: Oxford University Press, 2000.

European Kinship in the Age of Biotechnology, eds. J. Edwards, C. Salazar. New York: Berghahn Books, 2009.

Feinberg R. Schneider's Cultural Analysis of Kinship and Its Implications for Anthropological Relativism, in: *Cultural Analysis of Kinship: The Legacy of David M. Schneider*, eds. R. Feinberg, M. Ottenheimer. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 2002: 1–32.

Firth R. Introduction, in: *Two studies of kinship in London*, ed. by R. Firth. London: The Athlone Press, 1956: 11–29.

Franklin S., McKinnon S. Relative values: reconfiguring kinship studies, in: *Relative values: reconfiguring kinship studies*, eds. S. Franklin, S. McKinnon. Durham: Duke University Press, 2001: 1–25.

Garigue P., Firth R. Kinship organization of Italianates in London, in: *Two studies of kinship in London*, ed. by R. Firth. London: The Athlone Press, 1956: 67–94.

Garigue P. French Canadian Kinship and Urban Life, *American Anthropologist*, New Series, 1956, 58(6): 1090–1101.

Gender and Kinship: Essays Toward a Unified Analysis, eds. J. Collier, S. Yanagisako. Stanford: Stanford University Press, 1987.

Groes-Green C. Journeys of patronage: moral economies of transactional sex, kinship, and female migration from Mozambique to Europe, *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2014, 20(2): 237–255.

Hareven T. *Family Time and Industrial Time*. CUP Archive. 1982.

Howell S. Adoption of the Unrelated Child: Some Challenges to the Anthropological Study of Kinship, *Annual Review of Anthropology*, 2009, 38: 149–166.

Howell S., Marre D. To Kin a Transnationally Adopted Child in Norway and Spain: The Achievement of Resemblances and Belonging, *Ethnos: Journal of Anthropology*, 2006, 71(3): 293–316.

Johnson C.L. Perspectives on American Kinship in the Later 1990s, *Journal of Marriage and the Family*, 2000, 62(3): 623–639.

Johnson C.L. Sibling Solidarity: Its Origin and Functioning in Italian-American Families, *Journal of Marriage and the Family*, 1982, 44(1): 155–167.

Kim E. *Adopted Territory: Transnational Korean Adoptees and the Politics of Belonging*. Durham: Duke University Press, 2010.

Kim J. An “Orphan” with Two Mothers: Transnational and Transracial Adoption, the Cold War, and Contemporary Asian American Cultural Politics, *American Quarterly*, 2009, 61(4): 855–880.

Kinship and family: anthropological reader, eds. R. Parkin, L. Stone. Oxford: Blackwell publishing, 2007.

Kinship matters, eds. F. Ebtehaj, B. Lindley, M. Richards. Oxford: Hart Publishing. 2006.

Lee G. Kinship in the seventies: A decade review of research and theory, *Journal of Marriage and the Family*, 1980, 42(4): 923–936.

Leutloff-Grandits C. Kinship, Community, and Care: Rural-Urban Contrasts in Croatia, *Ethnologie française*, 2012, 42(1): 65–78.

Patterson C.J. Family relationships of lesbians and gay men, *Journal of Marriage and the Family*, 2000, 62(4): 1052 — 1069.

Peletz M. Kinship studies in late twentieth-century anthropology, *Annual Review of Anthropology*, 1995, 24: 343–372.

Relative values: reconfiguring kinship studies, eds. S. Franklin, S. McKinnon. Durham: Duke University Press, 2001.

Reproducing Reproduction: Kinship, Power, and Technological Innovation, eds. S. Franklin, H. Ragone. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1998.

Schneider D. *American kinship: a cultural account*, Chicago: University Of Chicago Press, 1980 [1968].

Schneider D. *A Critique of the study of kinship*, Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1984.

Schweitzer P. Introduction, in: *Dividends of Kinship: Meanings and Uses of Social Relatedness*, ed. by P. Schweitzer. New York: Routledge, 2000: 1–32.

Segalen M. The shift in kinship studies in France: the case of grandparenting, in: *Relative values: reconfiguring kinship studies*, eds. S. Franklin, S. McKinnon. Durham: Duke University Press, 2001: 246–273.

Shaw A. *Kinship and Continuity: Pakistani Families in Britain*. Amsterdam: Routledge, 2014.

Smith T. From Educational Priority Areas to Area-Based Interventions: Community, Neighbourhood and Preschool, in: *Researching Families and Communities: Social and Generational Change*, ed. by R. Edwards. Abingdon: Routledge, 2008.

Stone L. Introduction: theoretical implications of new directions in anthropological kinship, in: *New Directions in Anthropological Kinship*, ed. by L. Stone. Rowman & Littlefield Publishers, 2002: 1–20.

Strathern M. *Kinship at the Core: An Anthropology of Elmdon, a Village in North-west Essex in the Nineteen-Sixties*. New York: Cambridge University Press, 1981.

Strathern M. *Reproducing the Future: Essays on Anthropology, Kinship and the New Reproductive Technologies*. Manchester: Manchester University Press, 1992.

Terrell J., Modell J. Anthropology and Adoption, *American Anthropologist*, New Series, 1994, 96(1): 155–161.

Weston K. *Families We Choose: Lesbians, Gays, Kinship*. New York: Columbia University Press, 1997.

Yngvesson B. *Belonging in an Adopted World: Race, Identity, and Transnational Adoption*. Chicago and London: University of Chicago Press, 2010.

Young M., Willmott P. *Family and kinship in East London*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1992 [1957].